

Семиозис взаимодействия материального и идеального текстовых пространств

К. И. Белоусов

ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Если попытаться взглянуть на сегодняшнее состояние лингвистики со стороны методологии науки, то можно обнаружить, что происходит, на первый взгляд, сильное обновление содержания предмета за счет междисциплинарного контекста. Это касается уже не отдельных лингвистических ответвлений, таких как психолингвистика, социолингвистика, этнопсихолингвистика и др., а распространяется на всю дисциплину. Такого рода движение внутри дисциплинарной области, в первую очередь, направлено на поиск новых взглядов на онтологию языка и принципов ее описания. Каждая из создаваемых языковых моделей есть семиотическая система с характерными для нее организацией, взаимосвязью между элементами, правилами пользования. Появляющиеся в последние годы «когнитивные», «антропоцентрические» модели, несмотря на весь их критический пафос, так и не могут вытеснить самую традиционную из существующих моделей – «язык как система знаков».

Происходит это, на наш взгляд, потому, что онтологическое описание языка (термин Г. П. Щедровицкого), проводимое, например, в рамках антропоцентрической парадигмы, или когнитивного подхода, по-прежнему игнорирует материальную сторону объекта изучения, что фактически оборачивается анализом той же языковой системы (точнее, фрагментов системы) в определенных условиях ее функционирования. Пренебрежительное отношение к материальной стороне языка не дает возможности рассмотрения его как сложного материального, идеального и социального единства. Между тем, языковая материя выполняет функцию не только носителя информации – она образует собственные организации, способные к семиозису. Доказательству этого положения и будет посвящена статья.

Материальности языка в лингвистике, как правило, не уделялось много внимания. В структуралистских концепциях материя была полностью исключена из «реальности» языка (ср. с «реальностью вне языка» Л. Ельмслева, с представлениями Ф. де Соссюра о том, что «сущность языка <...> не связана

со звуковым характером языкового знака» [Соссюр, с. 45] и др.). Но и в трудах отечественных лингвистов проблемы материи языка, как представляется, поднимались в связи с господствовавшим материалистическим мировоззрением. Так, утверждения о том, что «язык представляет собой функциональную материальную систему семиотического, или знакового, характера...» [Солнцев, с. 4], а также является вторичной материальной системой [там же, с. 14-17] своим следствием имели отрицание двусторонней сущности языкового знака, т.е. переводили проблему материальности языка в русло широко идущих в то время дискуссий. Но какими бы ни были теоретические причины невнимания языкознания к этой стороне бытия языка, в их основе молчаливо покоится тот факт, что в рамках традиционного лингвистического описания обращение к материальности языка не имеет под собой никаких методов ее исследования¹.

Говоря же о материи языка, мы вынуждены обнаруживать ее во всех сферах его проявления – от акустического сигнала до концептуального образования, поскольку идеальное должно быть совершенно свободно от всякого психофизиологического субстрата, т.е. от всякого конкретного акта мышления. Нам представляется, что диалог материальное / идеальное по отношению к языку лучше перевести в плоскость физическое / концептуальное, где каждая из категорий более предметна и операциональна. Что же касается «социальности», то она на начальном этапе исследования может быть заменена категорией «деятельностное».

Исходным моментом, с которого следует начинать описание онтологии языка, выступает выбор наиболее полно представляющей объект единицы описания – такой единицы, в которой сошлись бы физическое, концептуальное и деятельностное измерение языка. Такой единицей, несомненно, является текст. Но поскольку текст интересует нас в единстве его самых разных сторон, постольку проблемное поле и предметное пространство должны формироваться в рамках общей теории текста, а не лингвистики текста, или психолингвистики. Данное обстоятельство освобождает нас от необходимости погружения в лингвистические и психолингвистические особенности понимания текста, от дискуссий и категориального аппарата этих дисциплин.

Итак, описание онтологии текста (единицы, с которой должно начинаться описание языка) будет опираться на три онтологические оси: физическое, концептуальное и деятельностное.

Ф. де Соссюр в свое время писал: «Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение – это линия <...> *это весьма существенный принцип и последствия его неисчислимы* [курсив наш. – К. Б.]» [Соссюр, с. 103]. Понимая, что означающее у Ф. де Соссюра – это акустический образ, т.е. явление не физическое, а психологическое, мы все же считаем, что приведенная цитата может быть высказана и по отношению к фи-

¹ За исключением, конечно, экспериментальной фонетики. Однако эта область языкознания имеет дело с конструктами дознакового уровня, что делает ее обособленной и герметичной.

зическому звуковому сигналу. Действительно, акустический сигнал также протяжен и однонаправлен. То же самое справедливо и по отношению к другому виду материального бытия текста – письменному тексту, где фактор времени появления той или иной языковой единицы передается посредством пространственного ее расположения во всем целом (тексте).

В каждый момент времени в реальной речевой деятельности функционирует (бытийствует) только часть текста и никогда текст в целом. Как целое текст существует в двух случаях: 1) ментальной репрезентации (в этом случае и говорится о целостности как о психолингвистическом явлении) и 2) абстрактного исследовательского конструкта, где текст а) переводится в письменную форму, если до этого он существовал в устной форме, б) предназначается не для чтения, а для сопоставления разных единиц, находящихся в нем. Рассматривая пространственно-временное бытие текста, отметим, что текст закрепляется в письменном виде и воспринимается посредством зрения как пространственный феномен (мы говорим о письменной форме текста, поскольку исследователь вынужден иметь дело только с такой формой существования речи. В частности, изучение разговорной речи обязательно проходит фазу графической репрезентации устных форм). Осуществление анализа текста с опорой на его пространственное существование необходимо в силу того, что текст, будучи представленным в письменной форме, воспринимается как *вещь*, имеющая границы – начало и конец. Тем самым создается иллюзия целостности объекта, необходимая для его анализа. Моделирование целостности заключается в том, что фактор времени мысленно исключается из процесса функционирования текста; исследователь видит перед собой в любой момент времени не какую-либо часть текста, а весь текст, причем письменный как пространственный феномен. Расположенный в пространстве, текст, однако, не теряет совсем связи со временем: начало текста отмечается исследователем как предшествующее, середина – как последующее, а конец – как самое позднее во времени. По сути, наделение текста пространственным существованием создает условия для *обратимости* времени.

Но поскольку время в письменном тексте становится привязанным к пространственным координатам, то оно обретает свойство равномерной длительности. Взамен темповой неоднородности разговорной речи полагается монотонность говорения, хотя, в принципе, исследователь может приписать тем или иным участкам текста различные темповые и ритмомелодические (и иные) параметры на основе собственных наблюдений над текстом в его реальном функционировании. Этот недостаток моделирования (который легко, как мы видим, преодолем) покрывают многочисленные достоинства, из которых отметим следующие. Очевидно, что, переводя текст в пространственное измерение (в письменную форму), мы создаем условия для его воспроизводимости, для полного проявления формы текста. Другим достоинством видится то, что исследователь может изучать внутрисистемные связи и отношения в тексте с любой и в любой его точке и, что самое важное – в любом направлении и так долго, сколько необходимо. При этом возникает вопрос: изучаются ли в подобном исследовательском режиме именно онтологические качества текста? Ответ дает теория деятельности, согласно которой текст может рассматриваться как процесс и результат речемыслительной деятельности, как опредмечен-

ная ее форма существования, и при этом он обладает пространственно-временной протяженностью, что и позволяет исследовать процессуальность создания и восприятия текста. Здесь хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, если текстопорождение и текстовосприятие как деятельности однонаправлены во времени-пространстве, то исследовательская деятельность с текстом, как правило, игнорирует эту направленность и необратимость времени².

Сказанное позволяет утверждать необходимость учета пространственно-временного фактора при изучении онтологии текста, что осуществляется с помощью метода позиционного анализа (см. [Белоусов-2002; Блазнава; Корбут-95, -2004; Коржнева; Москальчук-98, -2003; и др.]). Существо метода состоит в позиционировании интересующих исследователя языковых единиц в линейном ряду всех единиц текста. Поскольку текст имеет границы (начало и конец), постольку начало принимается за «0», а конец за «1» независимо от размера текста. Это позволяет сопоставлять тексты разных объемов. В ряду (от 0 до 1) линейно расположены все языковые элементы данного текста. За единицу счета принимается словоформа. Для того чтобы найти локализацию того или иного элемента, нужно определить местонахождение словоформы, которая содержит в себе искомый элемент (если изучаются сегменты меньше слова) или совпадает с ним (если исследуется «уровень» слова) на заданном отрезке [0; 1]. Для этого выполняется простейшая арифметическая операция – деление номера искомой словоформы, который определяется тем, какая это словоформа по счету в тексте, на общее количество словоформ в тексте. Если анализируется единицы синтаксиса, то определяется пространственно-временной отрезок, заполняемый группой словоформ: их начало (первое слово искомой единицы) и конец (последнее слово данной единицы).

Эволюция метода позиционного анализа, происходящая в последнее время, позволяет выявить два его основных варианта:

1) первый вариант связан с реконструкцией формы текста по некоторому алгоритму, основанному на идеях циклической связи и золотого сечения, выполняющего конструктивную гармонизирующую функцию при формообразовании любого объекта действительности (см. [Корбут-95, -2004; Москальчук-98, -2003 и др.]);

2) второй вариант направлен только на то, чтобы позиционировать, привязать искомые языковые единицы к текстовой оси (от 0 до 1). Универсальность шкалы позволяет сопоставлять (синхронизировать) сценарии развертывания языкового субстрата разной природы без привязки его к тем или иным позициям и интервалам, выделяемым в рамках первого варианта [Белоусов, Блазнава-2004; Белоусов, Москальчук; Москальчук-98,-2003]. Наше описание онтологии текста будет проводиться с опорой на данный вариант позиционного анализа.

Этот метод, как мы видим, призван включить в предметную область изучения текста пространственно-временное его бытие (как в процессе порожде-

² Исключение представляют немногочисленные случаи интерпретации текста, основанные на порядке следования в нем языковых элементов, например, известный структуральный анализ Р. Барта.

ния, так и в процессе восприятия / понимания). Мы полагаем *пространственно-временное бытие* текста одним из основных его качеств. Текст целиком и полностью обнаруживает свое существование через основные формы движения материи, и его содержание также раскрывается посредством этих форм. Содержание текста, в отличие от значения знака, протяженно в пространственно-времени, поскольку вырастает из целенаправленно организованной хронотопической последовательности приемов, действий, операций, объединенных разными методами и подходами к тексту.

Другим конституирующим качеством текста является его *многоонтологичность*. Текст понимается нами как феномен, имеющий разные уровни существования (разные онтологии), находящиеся между двумя полюсами: материальным (к которому ближе всего оказываются физические параметры текста, описывающие его акустико-волновую онтологию) и идеальным (области концептуального бытования текста). Такой подход отрицает принятое членение организации текста на структуру и семантику. Так, со времен структурализма не прекращаются разговоры о сложности строения (структуры) текста. Структура текста видится многоуровневым иерархическим образованием, каким-то неуловимым образом синтезирующимся в некое целое. Здесь, на наш взгляд, происходит абсолютизация структуры: упускается из вида то, что само выделение структуры и ее компонентов всегда условно и отражает способ деятельности человека с объектом. Именно поэтому структура текста видится: то аналогом уровневого строения языка (языка-конструкта!), что в полной мере отразилось в практике структурного анализа текста; то системой ССЦ и автономных предложений, объединенных разными типами межфразовой связи; то сложной организацией пропозиций (и / или макропропозиций); то иерархической организованностью смысловых предикатов или смыслов; то системой денотатов, ассоциативно-семантических сетей и др. Не вступая в дискуссию относительно различий между понятиями *система*, *структура*, *организация*, отметим, что традиционное различие в текстах структуры и семантики может быть оправдано только частным проблемным полем конкретного исследования и никоим образом не может быть основой описания онтологии текста. Действительно, если мы возьмем такое явление как *структура*, то мы обязаны признать за ней некоторое содержание, поскольку это *структура текста* и состоит из компонентов языковой природы (ср. известное «структура без функции – фикция»). Если же мы возьмем семантику текста, то она, в свою очередь, должна быть каким-то образом организована, поскольку в противном случае пред нами будет шум. Исходя из данных презумпций, мы будем говорить о структуре / структурности на каждом уровне существования текста.

Текст является *сукцессивно-симультаным* образованием. Обычно под сукцессивностью текста понимается его поступательное развертывание в линейном ряду следующих друг за другом языковых единиц. Симультанность же полагается как некоторый мгновенный образ (семантический) всего текста (ср. ментальный образ текста, проекция текста, гештальт, целостность и др.). Такой подход не проясняет природы взаимодействия сукцессивности и симультанности как базовых качеств текста. Рассмотрим процесс становления текста в двух плоскостях: физическом и концептуальном.

Примерно так (см. рисунок 1) можно представить взаимосвязь физического и концептуального сторон текста, исходя из традиции сопоставления цепочек следования означаемого и означающего в речевой цепи (например, у Ф. де Соссюра). Между тем, такое понимание принципиально неверно. Если особых возражений относительно модели следования элементов физического бытия текста нет, то модель следования единиц концептуального пространства должна быть иной.

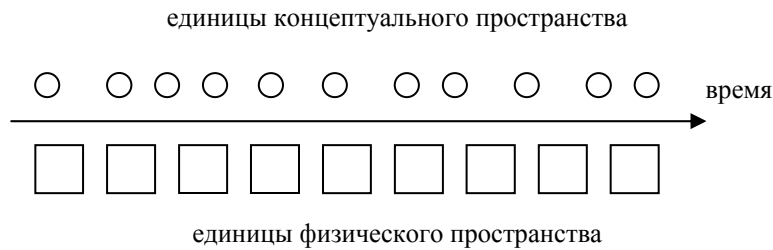

Рисунок 1. Традиционное представление взаимосвязи материальной и идеальной сторон речи

Действительно, появление каждого нового элемента в концептуальном пространстве человека (отметим, что этому элементу соответствует определенный элемент физического пространства осуществляющегося текста) оказывается связанным с предшествовавшими ему элементами, передаваемыми единицами физического пространства, которые осуществились в процессе продуцирования / рецепции прежде данного элемента. Здесь возникает, в некотором роде, «склейка» этих элементов, когда появившаяся в поле сознания новая концептуальная единица не вытесняет предшествующие полностью, а как бы связывает их с собой. В результате концептуальном пространстве возникает «рост» концепта осуществляющегося текста (см. рисунок 2).

Рисунок 2. Представление взаимосвязи материальной и идеальной сторон речи с опорой на различие их природы

Между тем, наращение концепта текста происходит не путем простого суммирования всех предшествовавших элементов, а посредством создания и пересоздания (с каждой новой единицей) общей структуры, в которой ведущее положение занимает последняя по времени появления единица. Единицы концептуального пространства, будучи связаны с единицами физического пространства и порядком их появления в процессе осуществления текста, также оказываются зависимы от временного фактора (порядка поступления концептуальных единиц в поле сознания). С позиции каждой новой единицы происходит пересоздание структуры и ее оценка, что можно доказать экспериментальными методами. Но прежде отметим, что описанный механизм позволяет различать *текст* и *стохастический набор словарных единиц*. Во втором случае «наращения» концептуальных структур не происходит, и процесс их продуцирования / рецепции отражает модель, представленная на рисунке 1.

Экспериментальное исследование образования концептуальных структур в процессе рецепции осуществлялось нами следующим образом: перед реципиентами (студентами-филологами, учащимися старших классов) последовательно по одному слову (или небольшой группе слов) записывался небольшой текст так, что в конце записи перед ними предстал целый текст.

При этом информантам предлагалось на каждом шаге (после появления каждого нового слова или группы слов) отвечать письменно на два вопроса: а) определить, о чем текст (тему текста); б) выписать из всех уже записанных слов те, которые наиболее значимы для понимания темы текста³. Анализ данных позволяет говорить, что информанты выписывают последнее слово в ответах на пункт «б» с частотностью 0,7 – 0,8, что является статистически достоверным результатом. То есть, с позиции последнего по времени элемента в концептуальном пространстве реципиента, как правило (в пределах статистической достоверности), задается организация и рост концепта текста. Нечто похожее мы наблюдали при изучении динамики *эмоционального* пространства текста, проведенного с помощью аналогичного эксперимента (на каждом шаге перед информантами ставилась задача определить основную эмоцию текста). Выяснилось, что эмоциональное пространство текста не структурируется одной доминирующей эмоцией. Поэтому работы, утверждающие существование доминантной эмоции, якобы «действующей» на всем пространстве текста, да-

³ Нами осуществлялся и эксперимент, направленный на моделирование рецепции текста как функциональной системы. Для этого учитывалась не только содержательно-смысловая сторона воспринимаемого текста, но и его эмоциональное пространство, а также процессы апперцепции и оценки. Предлагалось на каждом шаге (после появления каждого нового слова или группы слов) отвечать письменно на пять вопросов: а) определить, о чем текст; б) определить общий эмоциональный настрой текста (доминирующую эмоцию); в) о чем будет сообщаться дальше; а со второго шага вводился пункт г) что изменилось в ваших ожиданиях и в представлениях о чем текст и об эмоциональности текста с появлением этих (новых) слов; д) выписать слова, наиболее значимые для понимания темы текста. Но такой эксперимент может включать не более 10 этапов, поскольку для своего проведения нуждается в большом количестве времени.

леки от действительности. Доминирующая эмоция – это доминирующая эмоция *отдельного участка* текста. Эмоциональное же пространство всего текста строится по принципу функциональных систем, кооперации эмоций. Комплексы эмоций, инициируемые отдельным словом, не имеют решающего значения в структуре эмоционального концепта. Одно и то же слово, помещенное в разные точки линейной протяженности текста, часто становится эмоционально неадекватным самому себе. Доминантная эмоция *всего* текста, определяемая информантами после полного его прочтения, может не играть существенной роли в процессе рецепции [Белоусов, Блазнова-2003].

Следующей базовой характеристикой текста выступает *кооперативность* различных планов его существования. Для того чтобы обнаружить эту кооперацию, необходимо ввести дополнительные теоретико-методологические блоки в создаваемую общую теорию текста.

Наиболее значимым из них является системнодеятельностный подход к анализу текста, развиваемый нами в ряде работ [Белоусов, Блазнова-2004; Белоусов, Зелянская; Белоусов, Москальчук-2004]. Каждый *объект* в соответствии с поставленными целями, проблемами исследования и адекватными им методами занимает некоторую *предметную область*, имеющую собственную возможность реализации. Таких предметных областей может быть несколько (чем сложнее система, тем их больше). Каждая из *предметных областей* предстает с помощью методов анализа, синтеза, абстрагирования, классификации, моделирования и др. (уместных в каждом конкретном случае) в виде *системы* иерархизованных, связанных различного рода отношениями элементов. Поэтому, говоря о системе / структуре, мы имеем в виду систему / структуру выделенного предмета, а не объекта в целом. Таким образом, термин «предмет-система» отражает интеграцию системного и деятельностного подходов. В рамках заявленного подхода происходит 1) выделение предметных областей (предметов), 2) изучение каждого из актуализованных предметов, 3) синтез результатов многопредметного описания, в котором предпринимается как бы «сборка» объекта.

Само многопредметное описание и его синтез осуществляется с опорой на а) метод позиционного анализа, б) на количественные методы анализа, существенно облегчающие синтез всех возможных методических процедур, в) корреляционные методы, устанавливающие меру близости выделенных предметов. Любое исследование, базирующееся на принципах системнодеятельностного подхода, содержит следующие этапы:

1) выделение тех или иных предметов объекта и представление их в виде абстрактных систем;

2) количественное их описание, содержащее в себе пространственно-временной показатель, маркирующий появление и функционирование того или иного элемента предмета-системы (описание с помощью метода позиционного анализа). Само описание представляет собой изучение интенсивности (или же вероятности) проявления того или иного признака в каждой точке временного развертывания текста;

3) перевод абсолютных численных значений *интенсивности* процесса в той или иной пространственно-временной координате в относительные значе-

ния, т.е. значения, находящиеся в пределах от 0 до 1 (для того, чтобы соизмерять результаты описания *разных* предметов). Осуществляется данная процедура для всех актуализованных предметных областей текста;

4) проведение системной интеграции полученных конструкторов тех или иных предметных областей объекта на основе общности онтологического базиса и единообразного их построения с помощью корреляционных методов математической статистики (в частности, метода корреляции Пирсона) и методов графической репрезентации полученных результатов.

Видно, что описанная стратегия исследования состоит из целого ряда операций, таких как идеализация, моделирование, предметная абстракция. Кроме того, одной из ведущих операций можно назвать статистический анализ данных описания предметов объекта-текста. Этот анализ в части его корреляционных методов служит и способом интеграции многопредметных описаний объекта-системы. В этом плане статус корреляции как исследовательской процедуры приобретает философское значение, поскольку корреляция выступает средством интеграции различных предметов описания одного объекта.

Именно таким образом нами исследовалось взаимодействие эмоционального и просодического пространства текста [Белоусов-2002]. Данный пример наглядно свидетельствует в пользу того, что отдельные системы (предметы), выделенные в объекте-тексте, имеют по отношению друг к другу единые темпо-ритмические параметры эволюции, что является фактором самоорганизации текста. Статистическая корреляция просодической и эмоциональной сторон бытия текста неопровержимо доказывает глубинную связь просодической стороны речи с интенциями говорящего, постулированную, в частности, в трудах Н. И. Жинкина [Жинкин]. Достижение полезного результата системой (цели коммуникации в случае текста) связано с установлением единого темпоритма ее различных подсистем, образование конгруэнтных друг другу топологически организованных паттернов. Сказанное позволяет определить текст в качестве сложной многоуровневой направленной во времени и распределенной в некотором пространстве самоорганизующейся системы, устанавливающей в процессе своей эволюции многообразные формы взаимодействия между отдельными своими подсистемами. Это определение текста дано с опорой на вариант теории самоорганизации, развиваемой в нашей стране Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмовым (см., например, [Князева, Курдюмов]).

Так как в этой статье мы, в основном, касались проблемы взаимодействия концептуального и физического планов бытия текста, поэтому попытаемся экспериментально доказать обусловленность содержательно-смысловой (идеальной) стороны текста его акустико-волновой (материальной) реализацией.

Экспериментальное исследование взаимосвязи материальной и идеальной составляющих текста проводилось с помощью аппаратных методов (применения компьютерной техники и специализированных компьютерных программ Cool Edit Pro и Statistika в аспекте распределения в тексте более или менее значимой информации).

Ход эксперимента. Информантам (студентам и аспирантам-филологам) предлагалось выразительно прочитать текст. В процессе чтения акцентировалась наиболее значимая информация, то есть создавалась определенная интерпретация данного текста. На уровне звучащей речи интерпретационные акцен-

ты (семантические, эмоциональные) передаются усилением силы звука (громкости), повышением основного тона и увеличением длительности звучания. Анализу подвергался только первый параметр в силу системного характера речевой интонации (взаимозависимости трех указанных параметров). Процесс чтения записывался при помощи компьютера. При записи использовались жестко соединенные наушники с микрофоном, что позволило устранить возможную зависимость силы звука (громкости) от расстояния до звукозаписывающего устройства. После проведенной записи чтения параметры речи анализировались с помощью специализированных программ Cool Edit Pro и Excel по следующей схеме: 1) визуально представленная с помощью программы Cool Edit Pro акустическая волна сегментировалась на участки, совпадающие по размеру с протяженностью записанных словоформ; 2) в каждом сегменте выделялись точки максимальной силы звука (максимальной амплитуды) ударных слогов слова, и значения этих максимумов интенсивности акустической волны заносились в таблицу в программе Excel. Таким образом обрабатывалась каждая реакция (все варианты прочитанного текста), результатом чего явилась сводная таблица, где каждый из вариантов был представлен в виде динамического профиля (контура) текста (см. таблица 1).

В эксперименте использовался текст М. М. Пришвина «Я стою и расту...»:

Я стою и расту – я растение.

Я стою и расту, и хожу – я животное.

Я стою и расту, и хожу, и мыслю – я человек.

Я стою и чувствую: земля под моими ногами, вся земля.

Опираясь на землю, я поднимаюсь, и надо мною небо, все небо мое.

И начинается симфония Бетховена, и тема ее: все небо – мое.

Таблица 1. Относительные значения показателей интенсивности (силы) звука в процессе чтения информантами текста «Я стою и расту...»

Слово/Ии.	Н.В.	Е.Д.	Е.Е.	О.П.	С.Ф.	Е.Ц.
Я	0,82	0,87	0,76	0,63	1,00	0,84
стою	0,57	0,69	0,53	0,48	0,53	0,59
и	0,56	0,67	0,50	0,56	0,57	0,56
расту	0,45	0,43	0,53	0,43	0,48	0,47
я	0,65	0,68	0,71	0,74	0,72	0,83
растение	0,44	0,49	0,41	0,48	0,72	0,53
Я	0,66	0,79	0,78	0,80	0,81	0,68
стою	0,48	0,54	0,76	0,61	0,67	0,82
и	0,68	0,50	0,50	0,69	0,66	0,75
расту	0,54	0,52	0,43	0,56	0,49	0,51
и	0,47	0,50	0,47	0,45	0,35	0,57
хожу	0,49	0,38	0,50	0,38	0,44	0,43

я	0,65	0,57	0,51	0,67	0,70	0,58
животное	0,47	0,44	0,41	0,48	0,45	0,61
Я	0,61	0,73	0,80	0,78	0,74	0,87
стою	0,47	0,48	0,49	0,48	0,52	0,65
и	0,64	0,53	0,73	0,56	0,52	0,65
расту	0,58	0,44	0,55	0,44	0,56	0,56
и	0,49	0,63	0,54	0,37	0,49	0,49
хожу	0,51	0,54	0,52	0,46	0,46	0,60
и	0,51	0,56	0,48	0,55	0,49	0,58
мыслю	0,39	0,71	0,70	0,50	0,54	0,62
я	0,71	0,68	0,71	0,51	0,65	0,65
человек	0,34	0,55	0,39	0,35	0,42	0,47
Я	0,58	0,76	0,91	0,65	0,68	0,66
стою	0,71	0,66	0,56	0,66	0,56	0,55
и	0,68	0,56	0,47	0,64	0,55	0,45
чувствую	0,58	0,47	0,57	0,52	0,47	0,49
земля	0,81	0,83	0,77	0,76	0,72	1,00
под моими	0,40	0,60	0,47	0,40	0,46	0,60
ногами	0,45	0,50	0,50	0,44	0,56	0,51
вся	0,83	0,80	1,00	0,59	0,73	0,51
земля	0,40	0,45	0,44	0,42	0,55	0,46
Опираясь	0,90	1,00	0,86	1,00	0,94	0,98
на землю	0,53	0,83	0,74	0,46	0,82	0,95
я	1,00	0,85	0,74	0,61	0,74	0,80
поднима- юсь	0,49	0,76	0,65	0,45	0,59	0,67
и	0,61	0,69	0,67	0,55	0,48	0,60
надо мною	0,74	0,77	0,72	0,59	0,66	0,74
небо	0,59	0,72	0,55	0,56	0,60	0,59
все	0,73	0,65	0,74	0,51	0,71	0,71
небо	0,68	0,89	0,73	0,53	0,72	0,51
мое	0,35	0,45	0,43	0,36	0,41	0,40
И	0,54	0,66	0,68	0,45	0,48	0,75
начинается	0,60	0,84	0,68	0,78	0,74	0,64
симфония	0,50	0,62	0,70	0,45	0,54	0,78
Бетховена	0,51	0,58	0,53	0,44	0,51	0,57
и	0,38	0,39	0,41	0,31	0,48	0,39
тема	0,74	0,78	0,72	0,59	0,95	0,69
ее	0,54	0,43	0,40	0,40	0,46	0,39

все	0,56	0,78	0,70	0,38	0,65	0,56
небо	0,49	0,79	0,66	0,39	0,54	0,49
мое	0,29	0,40	0,39	0,30	0,36	0,41

Примечание. В столбцах представлены относительные значения силы звука для каждого из вариантов прочтения текста информантами; в строках – значения силы звука для каждой лексемы текста «Я стою и расту...», т.е. на пересечении тех или иных строки и столбца наблюдается относительное значение силы звука конкретной лексемы при ее произнесении в процессе чтения конкретным информантом.

После составления таблицы 1, следующим этапом становится ее факторизация. Факторный анализ – статистическая процедура, применяемая для выявления относительно небольшого количества глубинных конструктов, которые можно использовать для представления отношений между многочисленными наблюдаемыми переменными [Митина, Михайловская, с. 5]. Метод факторного анализа позволяет выделить из общего множества переменных разные их подмножества, коррелирующие между собой и независимые от других переменных (которые также могут образовывать подмножества). Принцип, который лежит в основе образования подмножества коррелирующих между собой переменных из множества всех переменных, называется *фактором*. Переменные, не вошедшие в выделенный фактор, тем не менее, оцениваются с точки зрения соответствия данному фактору («взвешиваются по фактору»), получая незначимую факторную нагрузку. После того, как был выявлен первый фактор, выделяется следующее подмножество коррелирующих между собой переменных – и процедура повторяется в полном объеме. Процедуру выделения новых факторов можно, на наш взгляд, прекратить тогда, когда образующее данный фактор подмножество переменных не имеет четкой выраженности («взвешивание» переменных всего множества по выделяемому фактору дает незначимые показатели).

Итак, целью факторного анализа является экспликация на основе наблюдаемых переменных явно не наблюдаемых (латентных) факторов, которые, как предполагается, детерминируют поведение наблюдаемых переменных. Применение факторного анализа позволяет сократить число переменных и определить структуру взаимосвязей между переменными, то есть произвести их классификацию. В ходе применения метода факторного анализа возникает вопрос, каким образом интерпретировать полученные факторы. Этот этап работы целиком опирается на концептуальный аппарат существующих теорий.

В нашем случае в таблице 1 приводятся данные, полученные при изучении просодической организации текста, на материале коррелирующих друг с другом вариантов его прочтения шестью информантами. Отметим, что большее количество информантов позволяет выделить большее количество факторов, которые отражают разные когнитивные стратегии прочтения текста, выделения (интонационной акцентуации) значимой и незначимой информации в нем. Тот или иной тип прочтения текста можно рассматривать как определенную его интерпретацию и подходить к ней с позиций семантического анализа

– выделения семантических полей, установления ядерных, переходных и периферийных участков поля; установления связей между полями и др. Большой же объем анализируемого текста также расширяет возможности факторного анализа, поскольку в выделяемые факторы «зачисляется» большее количество слов, что позволяет создавать более обоснованные интерпретации. Но в силу того, что описанная процедура просодического анализа крайне трудоемка, мы ограничиваемся анализом небольших текстов.

Обратимся к результатам факторизации таблицы 1. Нами (на основе специализированной статистической программы Statistika) было выделено четыре значимых фактора.

Фактор 1 составили слова:

положительные значения фактора	отрицательные значения фактора
(Я) <i>стою</i> (растение) и (хожу, и мыслю) хожу (и мыслю) мыслю (я) человек под моими (ногами) (опираясь) на землю поднимаюсь надо мною (небо) (небо) мое (и) И (начинается) симфония (Бетховена) (симфония) Бетховена (тема ее) все (небо) небо (мое) (небо) мое	<i>расту</i> (животное) я (животное) и (чувствую)

Примечание. Жирным шрифтом обозначены лексемы, имеющие факторную нагрузку более 0,7 (менее -0,7), а курсивом – лексемы, факторная нагрузка которых приближается к пороговым значениям.

Первый фактор отражает развитие темы «Я / мир» в аспекте эволюции «Я» от биологического (синкретического) состояния к культурному (структурному, антропоцентричному). Дуальность передается посредством положительного и отрицательного значений фактора. На отрицательном полюсе располагаются лексемы, презентующие биологическое чувственное начало (эволюции): лексема *расту* относится к «животной» стадии эволюции (*Я стою и расту, и хожу – я животное*), местоимение *я* также относится к «животному» состоянию «Я». «Растительная» фаза эволюции представлена имплицитно посредством глагола *расту*, который является однокоренным с *растением*. Адресация к «растительной» фазе эволюции усиливается и за счет синтаксиче-

ского параллелизма. Однако «растительная» фаза оказывается снятой более высокой эволюционно «животной» фазой, которая эксплицирована в данном полюсе первого фактора. Союз *и* указывает, с одной стороны, в силу своей функциональности на присутствие последующей стадии. С другой стороны, располагаясь в том месте текста, в котором описывается «человеческая» фаза эволюции, он связывает разные состояния «Я»: от растительного до человеческого. Союз *и*, связанный с глаголом *чувствую*, актуализирует в «человеческом» состоянии чувственное начало, которое генетически восходит к «животной» фазе эволюции.

На отрицательном полюсе первого фактора делается акцент на биологической потенции «Я», связанной с внутренним движением (рост биологического «Я», его чувствование как внутреннее переживание внешнего мира). Положительный полюс дает представление о качественных этапах эволюции: пассивно биологическое – разумное – духовное состояния «Я». «Биологический» этап эволюции представлен глаголом *стою*, относящимся к «растительной» фазе. «Животный» этап эволюции переместился на другой полюс, в силу того, что он отражает внутреннее движение «Я». Логика же качественных эволюционных переходов связывается с процессом самоопределения, с движением «Я» во внешнем мире. Так как для процесса самоопределения необходимо обладать сознанием, поэтому практически все лексемы, составившие положительный полюс первого фактора, относятся к «человеческой» фазе «Я». С этой точки зрения «растительный» этап необходим как фиксация начала отсчета своей истории. Стоит отметить, что данный этап присутствует скорее имплицитно, поскольку факторная нагрузка лексемы *стою* не превышает необходимое пороговое значение (0,7).

Движение «Я» в мире начинается с процесса физического перемещения в нем осознающего себя человеческого «Я» (*и хожу... мыслю я – человек*), что, в свою очередь, приводит к обретению своих границ и, как следствие, к постижению предметного мира вокруг себя. Происходит разделение всего пространства на землю (*опираясь на землю*) и небо (*надо мною небо*). На этом этапе движение переходит в вертикальную плоскость и одновременно качественно преобразуется: на смену физическому и мыслительному приходит духовное движение. Здесь моделируется архетипическая ситуация творения мира, однако, в отличие от описания создания мира в мифологиях, творческая активность «Я» совпадает только с открытием (= созданием) неба (*все небо мое*), а не мира в целом. Данный процесс сопровождается появлением музыки, которая в романтическом каноне (*симфония Бетховена*) символизировала «чистое творчество» (отсюда – исключение земного, животного). Первый фактор в силу сказанного определяется нами как *контекстуально-семантический*, отражающий развитие темы.

Фактор 2 составили слова:

положительные значения фактора (под моими ногами) вся (земля) (надо мною небо, все) небо (мое)	отрицательные значения фактора я (растение) (я) животное Я (человек) стою (человек) и (мыслью) Опираюсь (на землю)
--	--

Легко видеть, что положительный полюс второго фактора составили слова, обозначающие мир, окружающий «Я»: *вся* (земля) и (все) *небо*. Отрицательный полюс образовали лексемы, описывающие эволюционирующее «Я» (растение – животное – человек) и его отдельные действия, выражающие отсутствие движения. Конструктивным принципом данного фактора является конвенциональное противопоставление космоса и единичного «Я». *Стою* (отрицание движения), *опираюсь* (обретение устойчивого состояния = отсутствие движения), *и*, выполняющий функцию «размыкания» фактора, расширяющий его проблемное поле до конвенционального противопоставления мысли и действия. Поэтому данный фактор можно определить как конвенционально-семантический.

Фактор 3 составили слова:

положительные значения фактора расту (растение) хожу (животное) и (человек) расту (человек)	отрицательные значения фактора и (растение) опираюсь (на землю) (надо мною) небо начинается (симфония Бетховена)
---	--

Этот фактор эксплицирует *механизм развития темы: столкновение циклической модели эволюции, свойственной архаическому сознанию (положительный полюс) с исторической моделью (отрицательный полюс)*. Так, из всех возможных действий «Я» на каждом этапе его развития в положительный полюс третьего фактора вошли только начальные его действия – *рост* (как биологического существа) и способность перемещаться – *хожу* (тоже как биологического существа, поскольку *хожу*, вошедшее в данный фактор, относится к «животной» стадии). Из «человеческой» фазы актуальным оказалось только *расту*, замыкающее круг: *расту* – *хожу* – *расту*. Отрицательный же полюс фактора структурируется иначе. Интерес представляет союз *и*, относящийся к «растительной» стадии – с помощью него имплицитруется некая стадия, предшествующая «растительной». Логика развития данного полюса может быть представлена так: до растительная фаза – растительная фаза – «земная» человеческая фаза – «духовная» человеческая фаза – «творческая» человеческая фаза. Циклическая и историческая модели эволюции сложно взаимодействуют друг с другом. Именно таким взаимодействием можно объяснить неко-

торую неполноту творения мира, выявленную нами при анализе первого фактора. Данный фактор определяется нами как *конструктивно-тематический*.

Фактор 4 составили слова:

положительные значения фактора (я) растение <i>Я</i> (животное) (под моими) ногами (вся) земля и (тема) <i>тема</i> (ее)	отрицательные значения фактора и (хожу - животное) <i>стою</i> (и чувствую) и (надо мною)
---	--

На наш взгляд, основанием для данной группировки выступает не семантика, а просодика. Если сравнить показатели значений четвертого фактора с показателями силы звука, регистрируемыми на одних и тех же лексемах, то можно отметить их схожую динамику. На рисунке 3 представлена динамика параметров четвертого фактора и силы звука в процессе линейного развертывания текста. Значения четвертого фактора и показатели интенсивности звучания центрированы для того, чтобы появилась возможность их сопоставлять. Для удобства графического восприятия все значения (четвертого фактора и силы звука) сдвинуты по оси «У» вверх на одну и ту же величину (равную «2»).

На рисунке 3 видно, что области максимальных факторных нагрузок соотносятся либо с началом предложения, где (за определенными исключениями) рост силы звука нормативен, либо с той частью предложения, где может быть сделано логическое ударение. Так, начало первого предложения *Я стою и расту – я растение* характеризуется высокими показателями силы звука и параметрами фактора на первом слове текста – местоимении «я» (ср. с остальными «Я» – началами предложений). Затем наблюдается закономерное падение интонации. Пик показателей фактора приходится на лексему *растение*, которая находится в позиции ремы, предидирует «Я».

Минимальные показатели факторной структуры приходятся, как правило, на многочисленные союзы *и*, не имеющие интонационно высокого статуса (они часто не образуют самостоятельную фонетическую единицу, что хорошо видно в процессе обработки звука). Этот факт становится причиной низких факторных нагрузок первого союза *и* в предложении *И начинается симфония Бетховена, и тема ее: все небо – мое*, где максимальная нагрузка, связанная с передачей начинательной интонации приходится на глагол *начинается*, по отношению к которому союз *и* является проклитикой. Обилие союзов *и* в тексте актуализирует такую фигуру как полисиндетон, при помощи которого «подчеркивается целеустремленность и единство перечисляемого» [Квятковский, с. 161]. Полисиндетон создает ощущение особой патетики (ср. появление *симфонии Бетховена*), которая становится полностью осознаваемой к концу текста. Целеустремленность текста и единство разворачивающегося мира усиливаются за счет союзов, когда они начинают связывать уже не однородные чле-

ны, а предложения в составе сложного. Именно поэтому на второй союз *и* в связи с его большой значимостью может быть сделано логическое ударение.

Рисунок 3. Взаимосвязь параметров силы звука и значений четвертого фактора в процессе развертывания текста.

В предложении *Я стою и чувствую: земля под моими ногами, вся земля* минимальная (значимая) факторная нагрузка приходится на *стою*, что можно объяснить двумя причинами: регулярным падением интонации, приходящимся на это место в предложении, и многократным повторам глагола, благодаря которым он теряет какую бы то ни было семантическую перспективу. Максимальная факторная нагрузка приходится на предидущее *под моими ногами* и на уточняющий повтор *вся земля*, который позволяет качественно переосмыслить «землю» как часть мира. Сказанное позволяет интерпретировать данный фактор как *интонационно-логический* (то же самое явление мы наблюдали при семантико-просодическом анализе текста В. Катаева [Белоусов, Москальчук]).

Итак, в результате факторного анализа показателей текстовой интонации было установлено, что особенности интонирования связаны с четырьмя факторами, наиболее значимым из которых является контекстуально-семантический. Немаловажную роль, однако, играют конвенционально-семантический, конструктивно-тематический и интонационно-логический факторы. Их взаимодействие позволяет говорить о функциональном сосуществовании в одном речевом акте физической стороны речи с ее потенциальной структурностью (интонационно-логический фактор), области значений слов (контекстно-семантический фактор), концептуальных представлений рецепиентов (конвенционально-семантический фактор).

Таким образом, предложенный метод семантико-просодического анализа текста создает модель взаимодействия материальных и идеальных сторон его бытия. Видно, что материальный (физический) уровень текста являет собой сложную структуру, несущую информацию самого разного рода. Отдельные единицы передают лексико-грамматические значения (те, что всегда были предметом лингвистического анализа). Сама же структура как целостность отражает механизмы развития концептуального пространства текста, которые могут быть представлены в виде функционального взаимодействия семиотических систем разного рода: содержательно-тематической, концептуально-конвенциональной воспринимающего сознания, интонационно-нормативно-логической. Структурные паттерны физического уровня текста обеспечивают не только само его существование, но и создают возможность осмысленного целостного прочтения текста, синтезируя сугубо языковые, текстовые, конвенциональные, интонационные системы в общем функциональном пространстве. Вследствие этого появляется возможность выйти на уровень описания инвариантного и вариативного, установить пределы изменчивости в структурировании текстовых пространств. Но, что не менее важно, создаются предпосылки для решения вопроса об обусловленности содержания языка его материальной основой, что невозможно осуществить на уровне знака.

Думается, что предложенная здесь исследовательская программа описания онтологии текста далеко не исчерпывает тех возможностей, которые открываются благодаря применению принципиально новых методов исследования и изучению пространственно-временной, полионтологичной и полисемiotической природы языка и текста.

Литература

Белоусов К.И. Форма текста в деятельностном освещении (теоретико-экспериментальное исследование). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002.

Белоусов К.И., Блазнова Н.А. Динамическая модель эмоциональности текста // Актуальные проблемы прикладной лингвистики. Пенза: ПГСХА, 2003. С. 38-40.

Белоусов К.И., Блазнова Н.А. Введение в экспериментальную лингвистику. Бийск; НИЦ БПГУ, 2004.

Белоусов К.И., Зелянская Н.Л. Некоторые аспекты теории анализа текста // Модернизация филологического образования: проблемы и перспективы. Оренбург: РИК ОГУ, 2004. С. 52-59.

Белоусов К.И., Москальчук Г.Г. Позиционный анализ текста: проблемы и перспективы // Художественный текст: варианты интерпретации. Выпуск 9. Бийск: НИЦ БПГУ, 2004. С. 42-48.

Блазнова Н.А. Точечные аттракторы в структуре текста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002.

Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество. М.: Лабиринт, 1998.

Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.

Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировоззрение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12.

Корбут А.Ю. Повтор как средство структурной организации художественного прозаического текста (элементы симметрии). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

Корбут А.Ю. Текстосимметрия. Иркутск, 2004.

Коржнева Е.А. Деятельность лингвиста-экспериментатора при исследовании структуры текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003.

Митина О.В., Михайловская И.Б. Факторный анализ для психологов. М.: Психология, 2001.

Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул: АлтГУ, 1998.

Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: Едиториал УРСС. 2003.

Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995.